

"A hiány" szovjet előszavához a Kommunistban írt bevezető sorok

Kornai János, a jeles magyar közgazdász széles körben ismert mindenütt a világon kutatásairól, amely a valódi szocialista gazdaság működésének törvényszerűségeit és elveit, az áru és pénzügyi egyensúly feltételeit, a népgazdasági arányok közgazdasági-matematikai modelljeit tárja fel. Könyveit (A gazdasági vezetés tulzott központosítása, Anti-Equilibrium, A hiány, Gazdasági növekedés, hiány és hatékonyság, Ellentmondások és dilemmák) sok nyelvre lefordították és több tíz kiadást értek meg mind a szocialista, mind a kapitalista országokban.

Kornai János könyveit a Szovjetunióban eddig még nem adták ki. Csak néhány cikket fordították le és publikálták. Most, a tudományos társadalom nagyszámu kívánságára a Nauka Kiadó kiadásra készíti elő Kornai János valószínűleg legnépszerűbb könyvét, A hiányt (1980). A szerző szívélyesen folyóiratunk rendelkezésére bocsátotta azt az előszót, amelyet kifejezetten a könyv orosz kiadásához írt.

Kommunist, 1989. II. 10-15.

ЯНОШ КОРНАИ

ОБ ЭКОНОМИКЕ, ДЕФИЦИТЕ И «ЭКОНОМИКЕ ДЕФИЦИТА»

Выдающийся венгерский экономист Янош Корнай широко известен во всем мире своими исследованиями экономических закономерностей и принципов функционирования реальной социалистической экономики, условий товарно-денежной сбалансированности, экономико-математических моделей народнохозяйственных пропорций. Его книги «Сверхцентрализация в экономическом управлении», «Антиэквilibrium», «Экономика дефицита», «Экономический рост, дефицит и эффективность», «Противоречия и дилеммы» переведены на многие языки, выдержали десятки изданий как в социалистических, так и в капиталистических странах.

В Советском Союзе книги профессора Корнай до сих пор не издавались. Переведено и опубликовано лишь несколько его статей. В настоящее время в соответствии с многочисленными пожеланиями научной общественности издательство «Наука» готовит к публикации, пожалуй, наиболее популярную книгу Я. Корнай «Экономика дефицита» (1980 год). Автор любезно предоставил нашему журналу написанное специально для русского издания книги предисловие.

Для меня большая радость и честь, что книга «Экономика дефицита» выходит в Советском Союзе. Явление, о котором идет в ней речь, хорошо знакомо читателю. Венграм и советским людям, китайцам и румынам, кубинцам и полякам в равной мере известно, что значит отстоять в очереди за мясом или обувью, а вместо покупки услышать грубость от продавца. Им приходится годами ожидать ордера на квартиру, сталкиваться с остановками производства на предприятии из-за отсутствия материалов или комплектующих изделий. Дефицит влечет за собой многочисленные и разнообразные потери: снижается степень удовлетворенности потребителя, нарушается ритмичность производства, техническое развитие лишается важных стимулов. Но, вероятно, самый большой ущерб состоит в том, что продавец получает превосходство над покупателем, ущемленными оказываются независимость и свобода индивида. Господство продавца над покупателем ставит человека в подчиненное, а нередко и в униженное положение, идет ли речь о покупателе в магазине или работнике на предприятии. Очевидно, здесь затрагивается одна из наиболее специфических областей исследования политэкономии: мы изучаем не взаимосвязь человека и вещей, а анализируем общественные отношения между людьми, пытаюсь уяснить причины и последствия хронического дефицита.

Советская экономическая наука давно обратила внимание на эту проблему. В своих исследованиях я использовал, например, работы Л. Крицмана и В. Новожилова, которые были написаны соответственно в 1925 и 1926 годах. Однако затем в течение десятилетий о дефиците люди говорили разве только в семье или в очереди. Среди тем научных политэкономических исследований дефицит не фигурировал. На этом стоит остановиться и задуматься: а в чем, собственно говоря, заключается задача экономиста, исследующего проблемы социализма?

КОРНАИ Янош, академик Венгерской академии наук, профессор экономики Гарвардского университета.

В теч
циалисти
аналогич
дующим с
торая отв
по опреде
любое не
или экон
неприятн
людей. М
ками тех
например
ния этих
шим. Но
одно: воз
ношений
«хорошие
лишь пот
его приме

В раб
личные ф
нение де
рекоменда
ной литер
ций, проти
«норматив
работах, г
смешивает
вопроса. Ч
и каково ж
мые свойс
зывают «о
противоре
неудовлет
работе: (с
опытом, ф

Мои к
на иных, с
всего они
тельности,
Первый вс
собой пост
а истинно
денное авт
ный вопрос
ственно вс
описание
которая та

Со сл
часто дава
использует
выражения
го развити
ее поведен
автором, з
ная для со
щих деце

В течение этого длительного периода, когда ученые-экономисты социалистических стран обходили стороной анализ дефицита и других аналогичных «скользких» вопросов, их философия определялась следующим образом. Социализм, рассуждали они, — это такая система, которая отвечает извечным стремлениям человечества. Все его законы, по определению, оказывают благотворное воздействие. Следовательно, любое неблагоприятное, вредное, вызывающее человеческие страдания или экономический ущерб явление есть не что иное, как временная неприятность, результат небрежности или плохой работы отдельных людей. Может статься даже, что отрицательные явления вызваны ошибками тех или иных руководителей, получивших чрезвычайную власть, например, Сталина или Мао Цзэдуна. Именно в силу огромного влияния этих личностей и причиненный ими ущерб оказался очень большим. Но в соответствии с подобным ходом рассуждений несомненно одно: возникшие проблемы не зависят от основных общественных отношений существующей системы. Ведь при социализме все законы «хорошие». Беды и проблемы, если они вообще существуют, возникают лишь потому, что отдельные люди не поняли «хорошего» закона, плохо его применили или сопротивлялись ему.

В работах, основанных на таких рассуждениях, перепутаны различные функции и задачи экономиста: наблюдение, описание и объяснение действительности, оценка ситуации, выработка практических рекомендаций и предложений, программ действия. В мировой научной литературе используются разнообразные наименования этих функций, противопоставляются «позитивная» (описательно-объясняющая) и «нормативная» (оценивающая и дающая рекомендации) теории. В тех работах, где читателю внушается приведенный выше ход рассуждений, смешивается ответ на два разных и логически четко разграниченных вопроса. Что есть и что должно быть? Какова реальная действительность и каково желаемое положение? В упомянутых выше работах воображаемые свойства идеальной картины, утопии совершенного общества называют «объективным законом», в то время как настоящие внутренние противоречия реального общества даже не упоминаются. Остается неудовлетворенным самое важное требование, предъявляемое к научной работе: сопоставление определения и утверждения с наблюдением, опытом, фактами.

Мои книги, подобно работам некоторых других авторов, основаны на иных, отличных от приведенных выше взглядах и подходах. Прежде всего они исходят из того, что надо прямо смотреть в глаза действительности, независимо от того, нравится ли то, что мы видим, или нет. Первый вопрос, который добросовестный исследователь должен перед собой поставить, состоит не в том, «хорошо» ли то, что мы наблюдаем, а истинно ли то, что мы утверждаем? Соответствует ли фактам проведенное автором исследование? И если ученый, честно отвечая на данный вопрос, считает, что его утверждения соответствуют этому единственно возможному научному критерию, он имеет право на подобное описание и объяснение, невзирая на то, приятна или неприятна правда, которая таким образом выявляется.

Со словом «закон» связано так много злоупотреблений, оно так часто давало повод для различных недоразумений, что автор неохотно использует данный термин. Постараемся обойтись более скромными выражениями, говорить о закономерностях и тенденциях общественного развития, о предрасположенности системы, о характерном, типичном ее поведении. Основное положение, выдвигаемое и разрабатываемое автором, заключается в следующем: экономическая система, характерная для социалистического народного хозяйства до реформ, преследующих децентрализацию управления, неизбежно порождает дефицит.

Е
А»

и во всем мире
функционирова-
сбалансирован-
рий. Его книги
м», «Экономика
речия и дилем-
циалистических,

авались. Переве-
соответствии с
«Наука» готовит
мика дефицита»
специально для

мика дефици-
ет в ней речь,
итайцам и ру-
то значит от-
пки услышать
дера на квар-
приятии из-за
ефицит влечет
кается степень
гь производст-
Но, вероятно,
ает превосход-
зависимость и
ставит челове-
е, идет ли речь
ии. Очевидно,
бластей иссле-
овека и вещей,
и, пытаюсь уяс-

имание на эту
пример, работы
соответственно
гий о дефиците
ди тем научных
ровал. На этом
оворя, заключа-
изма?

сор экономики Гар-

Следовательно, это такая тенденция общественного развития, которая неизбежно возникает в определенных общественных условиях.

Данное явление носит всеобщий характер. Никто не говорит, что в такой системе дефицит наблюдается всегда и во всем. Утверждение более ограничено и заключается в следующем: ни одна важная сфера экономики не свободна от дефицита. Он укоренился на рынке потребительских товаров и услуг, в производстве, в распределении рабочей силы, в сфере капитальных вложений, внешней торговле и международных платежных отношениях. Это явление хроническое. Оно наблюдается постоянно; после возможного временного успеха попыток преодолеть его оно всегда возникает вновь. Сама система способствует систематическому наличию дефицита. Ему присуще свойство самовоспроизводства — дефицит порождает дефицит. Он носит интенсивный характер: проявляется с большой силой и оказывает весьма глубокое воздействие на поведение всех членов общества. Когда в системе — в охарактеризованном выше ограниченном смысле — проявляется всеобщий, хронический, самовоспроизводящийся, интенсивный дефицит, то эту систему можно назвать экономикой дефицита.

В книге предпринята попытка анализа причин возникновения дефицита. Если явление носит массовый, устойчивый и интенсивный характер, его нельзя объяснить случайными ошибками отдельных людей. Не выглядит убедительной и аргументация, в соответствии с которой дефицит обусловлен либо просчетами и ошибками планирования, либо эгоизмом и бесхозяйственностью руководства отдельных предприятий, либо невнимательностью некоторых продавцов. Необходимо искать более глубокие причины.

Предлагаемый вниманию читателя анализ в отличие от традиционной схемы проводится как бы в обратном направлении: от рассмотрения поверхностных к более сложным, основополагающим причинам, вторгаясь во все более глубокие слои причинно-следственных связей. Исследуется, в какой мере явления дефицита могут быть объяснены различными противоречиями и трениями, возникающими в экономике, слабостями и недостатками системы информации, принятия решений и их выполнения.

Следующий срез анализа: в какой мере хронический дефицит связан с воздействием различных общественных механизмов — со стремлением к экономической экспансии, погоней за валом, «инвестиционным голодом», тенденцией накопления запасов, почти ненасыщаемым спросом государственного сектора на ресурсы, главным образом на инвестиционные средства и фонды. Еще более глубокий срез: как объяснить перечисленные выше тенденции слабой чувствительностью государственных предприятий к ценам и прибыли, отсутствием принуждения и стимулов к повышению рентабельности, то есть той группой явлений, которая в «экономике дефицита» характеризуется как «мягкое бюджетное ограничение предприятия». Это связано с тем, что государственное предприятие значительно больше зависит от вышестоящей бюрократии, чем от потребителя. Его жизнь или смерть, упадок или развитие зависят не от его конкурентоспособности на рынке, а от намерений ведомств, которые им командуют и в то же время по-отечески опекают. Очевидно, что причинно-следственный анализ можно было бы продолжить, но после каждого ответа вновь и вновь встанет вопрос: «почему?» Однако уже из анализа, содержащегося в книге, вытекает: дефицит постоянно воспроизводится до тех пор, пока доминирующим отношением в производстве остается вертикальная зависимость предприятия.

Появление «Экономики дефицита» вызвало много споров как в Венгрии, так и за ее пределами. Через 10—20 лет, после многочисленных дискуссий и, можно надеяться, после ряда эмпирических исследо-

ваний, базир
ская наука
чем было во
то, что сред
Однако мне
но, важнее л
именно: пол
этика. Необ
с тем, что фа
удовлетворе
зя довольств
уходящие вг
вательные з
действитель
щихся явлени

Даже ср
читатели, ко
не дает гото
агноз без леч

Останов
я написал ра
и медициной
реводе на ру
ний, проведе
бы большой
стью выздор
ство, потому
мучила чахо
леза легких.
цам», назыв
пытались ле
и холодными
химическими
гия смогла у
крывший эт
Прошло бол
высокоэффе
быть массов
ление причи
тивного лек
ных форм л
воздух, разл
вали и удал
ли известно

Вернемс
закономернс
пор не вскр
шем положе
функционир
приступаем
ди: им доста
дует делать.
солютно то
Речь идет не
томов. Как
ми факторал
ли собой им
стической с

вения, которая
ловиях.

е говорит, что
Утверждение
важная сфе-
на рынке по-
делении рабо-
гове и между-
еское. Оно на-
спеха попыток
а способствует
йство самовос-
интенсивный
есьма глубокое
а в системе —
оявляется все-
вный дефицит,

кновения дефи-
нсивный харак-
ельных людей.
твии с которой
ирования, либо
х предприятий,
димо искать бо-

е от традицион-
: от рассмотре-
щим причинам,
твенных связей.
быть объяснены
и в экономике,
нятия решений

ий дефицит свя-
ов — со стремле-
инвестиционным
сыщаемым спро-
азом на инвести-
в: как объяснить
остью государст-
принуждения и
руппой явлений,
«мягкое бюджет-
государственное
цей бюрократии,
и развитие зави-
т намерений ве-
чески опекают.
было бы продол-
опрос: «почему?»
текает: дефицит
рующим отноше-
сть предприятия.
го споров как в
сле многочислен-
ических исследо-

ваний, базирующихся на большом фактическом материале, экономическая наука наверняка сможет объяснить проблемы дефицита лучше, чем было возможно при написании данной работы. Я рассчитываю на то, что среди моих советских коллег книга также вызовет дискуссии. Однако мне бы очень хотелось, чтобы нашло понимание то, что, вероятно, важнее любого рассматриваемого в ней экономического вопроса, а именно: положенные в основу работы *научная философия и научная этика*. Необходимо, чтобы возможно большее число людей согласилось с тем, что фактам нужно смотреть в глаза, даже если они и не приносят удовлетворения. Мы не имеем права избегать неудобных истин. Нельзя довольствоваться поверхностными ответами, нужно пытаться найти уходящие вглубь корни наших бед и проблем. Следует вскрыть действительные закономерности развития окружающей нас экономической действительности, найти истинное объяснение повсеместно повторяющихся явлений, устойчивых тенденций.

Даже среди тех, кто разделяет эти взгляды, несомненно окажутся читатели, которые с разочарованием отложат книгу, поскольку автор не дает готовых рекомендаций, как устранить болезнь. Чего стоит диагноз без лечения?

Остановимся на этом медицинском сравнении. Несколько лет назад я написал работу, в которой проводилась аналогия между экономикой и медициной. Недавно советский журнал «ЭКО» опубликовал ее в переводе на русский язык. Сейчас я бы хотел вернуться к ходу рассуждений, проведенных в этом исследовании. Безусловно, самое важное, чтобы больной остался жив, более того, чтобы он по возможности полностью выздоровел. Но этого нельзя добиться, приказав врачу: дай лекарство, потому что больной должен вылечиться. Тысячелетиями людей мучила чахотка, получившая впоследствии научное название туберкулеза легких. Сначала обращались к колдунам и шаманам, позднее к «жрецам», называвшим себя врачами, то умолая, то угрожая им. Больных пытались лечить всем: молитвой и изгнанием нечистой силы, горячими и холодными ваннами, самыми разными лекарственными растениями и химическими веществами. И лишь в 1890 году современная бактериология смогла установить, что туберкулез вызывают бациллы. Однако открывший это Роберт Кох не мог сказать, как победить эти бациллы. Прошло более половины столетия, прежде чем нашли действительно высокоэффективное лекарство — стрептомицин — и туберкулез перестал быть массовой, опустошительной, смертельной болезнью. Правда, выявление причины болезни привело еще до открытия действительно эффективного лекарства к использованию более целесообразных и рациональных форм лечения: больным предписывали щадящий режим, свежий воздух, различными средствами сбивали температуру, иногда оперировали и удаляли часть пораженного легкого. Другими словами, соблюдали известное в медицине правило Гиппократ — не повреди больному.

Вернемся теперь к нашим профессиональным вопросам. Сложные закономерности функционирования социалистической системы до сих пор не вскрыты. В этом отношении мы находимся в значительно худшем положении, чем экономисты капиталистических стран в понимании функционирования их собственной системы. По существу, мы только приступаем к этой огромной работе. Есть очень уверенные в себе люди: им достаточно только оглядеться вокруг, и они уже знают, что следует делать. Автор не относится к этой категории. Ему не известен абсолютно точный диагноз «больного» — социалистической экономики. Речь идет не об одной болезни, а о целом комплексе негативных симптомов. Как они взаимосвязаны? Вызваны ли различными независимыми факторами или являются следствием общих причин? Представляют ли собой имманентно присущие характерные свойства любой социалистической системы, каков бы ни был конкретный механизм ее функцио-

нирования, или же являются следствием исключительно одной из разновидностей социализма — сверхцентрализованной директивной экономики? Излечимы ли все болезни, или среди них кроется такая, которая непобедима, и речь может идти лишь о смягчении симптомов? Столько вопросов, на которые пока еще нет убедительных ответов!

Поставленные в общем виде вопросы можно конкретизировать применительно к проблематике дефицита. Хотя я уже много лет изучаю эту тему, все же должен признаться, что на целый ряд вопросов не нашел определенного ответа. Я уже сказал, что дефицит является неизбежным атрибутом директивно управляемой экономики, старого сверхцентрализованного механизма. Из этого, однако, не следует, что данное утверждение можно просто «перевернуть», заявив: достаточно ликвидировать директивное руководство, предоставить большую самостоятельность государственным предприятиям, и это уже само по себе устранил дефицит. Мне представляется, что хотя указанные шаги и необходимы, однако это все же недостаточное условие ликвидации дефицитного характера системы. Этих шагов мало для того, чтобы покупатели перестали соревноваться между собой за благосклонность продавцов и, наоборот, чтобы изготовители и продавцы начали бороться за покупателей. Пока еще не выяснено должным образом, каковы все достаточные и необходимые условия преодоления дефицита.

Научный анализ не в состоянии дать окончательного ответа на эти открытые вопросы. Это невозможно уже потому, что реально осуществлявшиеся до сих пор хозяйственные реформы пока еще не дали однозначных результатов. О себе могу сказать, что отношусь к числу старых, искренних и пылких сторонников реформ и хотел бы, чтобы они привели к возможно более убедительным успехам. Однако ученый — и я хотел бы здесь еще раз настоятельно подчеркнуть это — должен исходить не из пожеланий, а из наблюдаемых фактов. Реформы в Югославии насчитывают четыре десятилетия, в Венгрии — два, в Китае — почти десятилетие. Все три страны являют собой примеры специфического сочетания блестящих успехов и сокрушительных провалов. Было бы недобросовестно ради восхваления и «пропаганды» реформ замечать только положительные результаты или ради их «контрпропаганды» указывать только на неудачи. Кстати, и с точки зрения темы дефицита и связанной с ним другой тяжелой и сложной проблемы — инфляции опыт этих трех стран не указывает однозначно пути преодоления трудностей. В круг задач данного короткого выступления не входит подведение итогов реформ и выяснение причин неоднозначности ситуации, невысоких темпов продвижения вперед. В этом случае я только хотел отметить, что мы не располагаем такой программой действий по ликвидации дефицита в экономике, которая была бы научно обоснована в строгом смысле слова.

Предыдущие реформы, в какой бы социалистической стране они ни осуществлялись, в научно-теоретическом плане могут рассматриваться как «эксперименты». Но даже из небольшого числа экспериментов можно рискнуть сделать далеко идущие выводы, если результаты экспериментов однозначны. К сожалению, предпринимавшиеся до сих пор попытки реформ вплоть до настоящего времени не оказались достаточно однозначными и продуктивными, чтобы можно было сделать выводы, претендующие на научное обобщение.

Из сказанного не следует, будто я кому бы то ни было советую остановиться и подождать предпринимать практические шаги до тех пор, пока наука окончательно и неопровержимо не вскрыет проблему и не предложит программу действий. Отойдем от сравнений с медицинской и подчеркнем: история не привыкла ждать, пока ученые разберутся в проблемах и найдут пути их решения. Разделение труда есть не только в экономике или производстве, но и в общественно-политиче-

ской жизнью, тикой и на- ного деяте обходимос в том случ и какие вз среды, в к В большие убеждение лизом.

Что ж труда. Не торые спо практически, что, по время друг следования щих в осущ

В полн щие свои ских прог Их работа способствс маны, а ме жая их, я поставил п ся над мив вылечил ни ло вторгая пель, но пи но, и труд дований, и анализа мо практически и развеять затем разо резвляюще анализ раи могут ока: конечном

Взаим: вот что оч ние, орган гут чувств «Экономи и заблужд в разверты

ской жизни. Прежде всего существует разделение труда между политикой и наукой. Поступки политического руководителя, государственного деятеля, участвующего в управлении обществом, обусловлены необходимостью действия. Он понимает, что обязан сделать шаг даже в том случае, когда и не знает точно, каковы последствия этого шага и какие взаимосвязи определяют развитие той сложной общественной среды, в которой он осуществляет свою политическую деятельность. В большинстве случаев его действия обусловлены скорее внутренним убеждением и верой, нежели строгим и объективным научным анализом.

Что же касается ученых, то и среди них существует разделение труда. Не все берутся за идентичные задачи. Есть исследователи, которые способны быстро и решительно занять позицию при решении практических задач, полагаясь на уже достигнутые результаты науки и, что, по правде говоря, более реально, на здравый смысл. В то же время другие экономисты ощущают призвание к фундаментальным исследованиям и не годятся на роль практических советников, участвующих в осуществлении актуальных решений.

В полной мере заслуживают уважения экономисты, концентрирующие свои усилия на разработке оперативных предложений, практических программ действия, планируемых к немедленной реализации. Их работа нужна, а политика реформ требует их участия. Они могут способствовать тому, чтобы проводимые изменения были более продуманы, а международный опыт использовался полнее. Но, искренне уважая их, я считаю заслуживающими не меньшего почтения и тех, кто поставил перед собой иную задачу. Медицине был нужен склонившийся над микроскопом Роберт Кох, даже если за всю свою жизнь он не вылечил ни одного больного туберкулезом. Одни люди оперируют, смело вторгаясь в живые ткани, другие не осмеливаются взять в руки скальпель, но пытаются в лаборатории разгадать секреты организма. Вероятно, и труд теоретика, работающего в области фундаментальных исследований, имеет сиюминутную практическую пользу: результаты его анализа могут удерживать легкомысленных деятелей от эффектных, но практически бесполезных или просто вредных шагов, могут остудить и развеять чрезмерные ожидания, порождающие сначала иллюзии, а затем разочарование. Помимо этой неблагодарной, но полезной «отрезвляющей» функции фундаментальные исследования и теоретический анализ рано или поздно, через многие тернии и с большим опозданием могут оказать помощь в переосмыслении существующей ситуации и в конечном счете практически способствовать развитию общества.

Взаимное уважение, понимание и терпимость к чужому мнению — вот что очень необходимо в нашем научном мире. Никакое учреждение, организация, движение, научный или политический деятель не могут чувствовать себя непогрешимыми. Своими работами, в том числе «Экономикой дефицита», вместе с содержащимися в них открытиями и заблуждениями, я хотел бы внести вклад в укрепление этого духа, в развертывание научных дискуссий.